

УДК 595.7 (09)

У ПОРОГА НАУКИ

А.И. Куренцов

Печатаются дневниковые воспоминания А.И. Куренцова о первых самостоятельных исследованиях и студенческих годах, проведенных на географическом факультете Ленинградского Университета.

Будучи преподавателем биологии в Кромской девятилетней школе (ныне Орловская область), я еще в 20-е годы хорошо знал, как много ученых, занимающихся вопросами энтомологии, зоогеографии и географии вообще, живет и работает в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург). Все это настраивало меня на то, чтобы выехать туда на продолжительное время, а может быть даже навсегда. Хотя директор школы Черкасов очень сочувствовал моим географическим вкусам и, начиная с 1918 г. (и в более поздние годы), предоставлял мне командировки, эти поездки могли дать мне только самые предварительные представления о среде столичных ученых. Свой переезд в Ленинград я откладывал по одной, довольно уважительной причине. Путешествуя по Орловской области, я обнаружил участки целинных степей, которые вызвали у меня большой флористический и геоботанический интерес, особенно возросший после того, как в 1926 г. я съездил в Москву на 3-й Ботанический съезд и сделал там доклад "Степи верховьев р. Оки"¹. Доклад об "открытии" степей получил восторженную оценку

¹ В 1926 г. в Москве проходил Всесоюзный Ботанический съезд, где А.И. Куренцов сделал доклад "О степной растительности истоков р. Оки в Орловской губернии".

проф. В.В. Алехина², с которым я переписывался по степному вопросу, а также заинтересовал целый ряд других ботаников, которые были удивлены тем, что какой-то "провинциальный краевед" мог сделать такую работу. Присутствующий на этом съезде Б.А. Келлер³ даже усиленно звал меня к себе в Воронеж, предлагая заняться вплотную изучением степей Центральной, Черноземной области. Однако, у меня было больше симпатии к ботаникам школы В.В. Алехина. Последний не только определил собранные мной степные растения, но и прислал мне большинство своих работ по степному вопросу ("Типы русских степей", "Тамбовские степи и их варианты", "Растительность Курской губернии", "Стрелецкая и Казацкая степи под Курском"⁴, "Степи Центральночерноземной области"⁵). Кроме того, В.В. Алехин первым из наших степеведов высоко оценил "открытие" орловских степей и их значение в классификации типов степей (см. предисловие В.В. Алехина в книге "Степи Центральночерноземной области"⁵). Наконец, с Василием Васильевичем, у нас установились очень прочные связи, потому что он направлял на практику своих студентов-геоботаников (В.Г. Вернандер, П.П. Жудову и др.), которым я оказывал всяческое содействие.

Третий Всероссийский Ботанический съезд имел очень большое значение как форум ученых и оставил у меня (как, впрочем, и у других присутствующих) много впечатлений. По просьбе В.В. Алехина я сделал доклад на геоботанической секции, где познакомился со многими ботаниками, а также с зоологами, в частности с С.С. Четвериковым, Б.Б. Родендорфом и Н.С. Щербиновским, будущим автором работы "Шестоцерка". Особенно мне запомнились встречи с некоторыми большими русскими учеными. Не могу забыть сцену появления в президи-

² Алехин Василий Васильевич (1882–1946), геоботаник, основатель московской фитоценологической школы, с 1923 г. — руководитель кафедры геоботаники МГУ. Автор ряда книг по фитоценологии и географии растений. Главный объект изучения — степи и луга. (БСЭ. 3-е изд. 1970. Т. 16. С. 421).

³ Келлер Борис Александрович (1874–1945), ботаник, эколог, в 30-е годы — профессор Воронежского университета. Основные работы — по изучению растительности степей, полупустынь и пустынь и классификации русских степей. (БСЭ. 3-е изд. 1973. Т. 12. С. 24).

⁴ В.В. Алехиным было написано о Стрелецкой и Казацкой степях две статьи: Алехин, 1909, 1910.

⁵ Название этой работы В.В. Алехина "Растительный покров степей Центрально-Черноземной области". Во введении (с. 9) указываются степные участки, открытые А.И. Куренцовым, и подчеркивается их значение для классификации степей европейской части России.

уме съезда ботаника И.П. Бородин⁶, приехавшего из Ленинграда. В те годы он был уже очень старый и плохо слышал. Выражая свои чувства, он расцеловался со всеми членами президиума, сочувственно улыбался и жестаи одобрял принятые съездом решения. Хорошо запомнились академики отец и сын С.Г. и М.С. Навашины, сделавшие доклады о хромосомном строении растительных клеток. Особенно знаменательным был день, когда приехавший из Ленинграда Н.И. Вавилов сделал на общем заседании доклад "О гомологических рядах в наследственной изменчивости". Помню, что его долго ждали и когда он появился, тогда еще совсем молодой, съезд встретил его долго не смолкающими аплодисментами. Свое сообщение он начал словами, что будет краток, т.к. затрагиваемые им вопросы уже нашли подробное освещение в опубликованной книге Л.С. Берга "Номогенез".

Незабываемое впечатление оставил у меня и до сего дня доклад харьковского ботаника В.И. Талиева⁷ "Эволюция тюльпанов", сделанный на заключительном заседании съезда. Доклад был основан на огромном фактическом материале, данном в экологическом аспекте и показал знания систематики всей группы лилейных. Рассказывая об изменчивости видов, автор как бы вел слушателя с юга европейской части Союза к востоку (в Среднюю Азию) и на путях рисовал таксономически возникшие виды. Тогда уже я в большой степени проникся совершенством и красотой, если можно так выразиться, морфо-эколого-географического метода в решении проблемы видообразования. Мне казалось, что этот доклад прощает Валерию Ивановичу все его погрешности в объяснении происхождения степей воздействием антропогенных факторов, за что московские степеведы прозвали его "калошным" ботаником. Позднее, когда я познакомился с его работой "Растения меловых склонов юго-востока России"⁸, мне было трудно поверить, что такой ботаник мог объяснять возникновение степей вторичными факторами. Также впервые на этом съезде я увидел тогда еще

⁶ Бородин Иван Парфеньевич (1847–1930), ботаник, автор многочисленных работ по физиологии и анатомии растений. Инициатор создания Русского Ботанического общества и его бессменный президент. (БСЭ. 3-е изд. 1970. Т. 3. С. 578).

⁷ Талиев Валерий Иванович (1872–1932), русский ботаник, в 30-е годы – профессор Харьковского университета. Основные труды по вопросам геоботаники, биологии и морфологии растений, фитопатологии и прикладной ботаники. (БСЭ. 3-е изд. 1976. Т. 25. С. 231).

⁸ Вероятно, имеется в виду работа В.И. Талиева "Растительность меловых обнажений Южной России".

совсем молодого, известного теперь флориста и фитогеографа Б.Н. Городкова. Тогда он только что вернулся с о-ва Колгуева, на котором изучал флору и провел зимовку. Особенно же запомнились мне его царственная фигура и частые научно-организационные выступления. В день же, отведенный секцией геоботаники специально для обсуждения степного вопроса, инициатором всей работы был В.В. Алехин.

Перехожу к своему пребыванию в Ленинграде в 1928 г., когда после совершенной по заданию Зоологического института АН поездки в Уссурийский край, я пробыл там почти всю осень, оформляя свое поступление на географический факультет Ленинградского университета. Годом или двумя раньше этот факультет представлял собой географический институт, который затем был преобразован в отдельный факультет Ленинградского университета с такой же программой. Хорошо зная учебный план географического института еще раньше, я уже в начале 20-х годов стремился поступить в это высшее учебное заведение, но экспедиция в Уссурийский край, а позднее педагогическая и краеведческая работа на родине отвлекли меня от этого намерения. И вот теперь, когда у меня за плечами были годы полевых работ как в Уссурийском крае, так и на Орловщине я стал студентом-"переростком" этого факультета. Факультет имел два отделения: общегеографическое и этнографическое, я, конечно, выбрал первое. Здесь преподавались многие дисциплины, общие с биофаком, но отражавшие факультативную направленность, например, ботаника и зоология значились как систематика животных и растений на экологической основе. Доминировали же специальные курсы — зоогеография суши и моря, зоогеография промысловых животных, общая экология, учение о животных сообществах, фитосоциология (теперь эту дисциплину называют фитоценологией), фитогеография, общее земледение, геоморфология, палеогеография, минералогия, учение о фациях, учение о ландшафтах, почвоведение и география почв, общий курс химии, топография. Кроме того, я должен был изучать и сдавать экзамены по физике, немецкому языку, политической экономии, экополитике, политике и диалектическому материализму.

Большинство специальных предметов мне было знакомо, и мне казалось, что я мог бы их сдавать без особой подготовки. Однако, принимая во внимание то, что эти предметы читали такие русские ученые как Я.С. Эдельштейн (геоморфология), А.Н. Григорьев (общее земледение), Л.С. Берг (учение о ландшафтах), Н.И. Кузнецов (фитогеография), В.П. Сукачев (фитоценология), А.А. Бялыницкий-Бируля

(зоогеография), Б.Б. Полюнов (почвоведение и география почв), Д.В. Наливкин (палеогеография и учение о фациях), я решил послушать их лекции, чтобы дополнить и систематизировать свои знания.

Будучи не только географом, но и биологом (энтомологом), я с первых же дней приезда в Ленинград посещал Зоологический музей (теперь Зоологический институт АН СССР), где встретил ранее известных мне братьев И.Н. и Н.Н. Филиппьевых, Н.Я. Кузнецова, Г.Г. Якобсона и познакомился с орнитологами Б.К. Штегманом, А.М. Левановым, Л.А. Портенко, Л.М. Шульпиным, с энтомологами А.П. Семеновым-Тянь-Шанским, А.Н. Кириченко, А.В. Мартыновым, А.А. Рихтером, М.Е. Тер-Минасян, маммологами Т.С. Виноградовым и К.К. Флеровым. Со многими из них за время моего пребывания в Ленинграде я часто сталкивался по целому ряду вопросов, особенно в области зоогеографии. Вообще можно сказать, что упомянутые выше ученые университета помогли мне найти точки соприкосновения биологии, экологии и энтомологии с такими науками, как климатология, геоморфология, ландшафтоведение, почвоведение (в широком географическом понимании), а общение с зоологами Зоологического музея (директором его вначале был А.А. Бялыницкий-Бируля, а позднее гидробиолог С.А. Зернов) дало возможность приобщиться к вопросам зоогеографии. В стенах университета и Зоологического музея я нашел широкое поле для развития географических идей, которыми заболел в дни юности, здесь, бросив одиночество-"робинзонство", я вошел в коллектив своих учителей-единомышленников и коллег, с которыми начал совместную научно-исследовательскую работу. Более того, я полюбил коллектив университета и Зоологического музея еще в силу традиционных восприятий истории русской науки вообще, и географии в особенности. Ведь все перечисленные мной ученые, которые были старше меня на 2–3 десятка лет, вышли из славной, я бы сказал, "могучей кучки" ученых первой половины 19-го столетия. К ним относится прежде всего А.Н. Бекетов, возглавлявший кафедру ботаники в Петербургском университете, который, кажется, первым заговорил о "степном вопросе" в России, первым начал объяснять безлесие степей климатическими и вообще доисторическими факторами. К этой же когорте ученых относятся Г.И. Танфильев – болотовед, основоположник физико-географического районирования России, автор работ "Пределы лесов на юге России", "Доисторические степи Европейской России", "Пределы лесов в полярной России", В.В. Докучаев – основатель почвоведения и учения о зонах природы, автор замечательных работ "Наши степи прежде и теперь", "Русский чернозем", "Способы

образования речных долин Европейской России", А.И. Воейков — основатель климатологии в России, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, на протяжении более полувека не только развивавший идеи русской географии, но и организовавший все великие путешествия, начиная с экспедиций Н.М. Пржевальского. Несколько позднее к ним присоединились К.А. Тимирязев, Л.С. Берг, А.Н. Краснов, Н.И. Кузнецов, В.Л. Комаров, М.Н. Богданов, М.А. Мензбир, П.П. Сушкин, П.А. Холодковский, Е.Н. Павловский и другие деятели науки второй половины 19-го и начала 20-го века. Последние своей творческой деятельностью показали тесную преемственность традиций русской географической и биологической науки, возникшей в начале прошлого столетия.

Мне явно повезло, что я сблизился с этими учеными, это было для меня великой радостью. Будь я автором многих научных трудов, были бы понятны установившиеся у меня добрые отношения с этими учеными, но я имел всего лишь несколько небольших статей: "Степи верхней Оки в Орловской области"⁹, "Борьба леса со степью в Орловской губернии", "О пролете птиц в Орловской губернии" (совместно с В.А. Беляевым и С.Н. Горбачевым), "О вертикальном распространении чешуекрылых в южном Сихотэ-Алине", "Чешуекрылые окрестностей города Никольска-Уссурийского", "К фауне чешуекрылых Южно-Уссурийского края". Возможно, что нашему сближению содействовали мои неоднократные путешествия в Уссурийский край и исследования орловских степей и их фауны. Пристальное внимание ко мне со стороны сотрудников Зоологического музея началось уже с 20-х годов, когда мной были переданы им интересные для науки роды и виды насекомых — жуков, бабочек, ручейников, прямокрылых и двукрылых. Н.Я. Кузнецов, Н.Н. Филиппов, А.В. Мартынов, А.П. Семенов-Тянь-Шанский были в восторге, увидев мои дары музею. А.П. Семенову-Тянь-Шанскому я передал яйца и личинок реликтового дровосека (*Callipogon relictus* Sem.), после чего мы вели долгие беседы о биологии и экологии этого гиганта уссурийской фауны. Также я передал в музей экземпляры описанного им великолепного восточного вида златки *Buprestis eoa* и нового вида короледа, которого я назвал именем А.П. Семенова-Тянь-Шанского"¹⁰. Вполне возможно, что это старое

⁹ Точное название статьи см. в списке литературы: Куренцов, 1929.

¹⁰ Речь идет о златке *Eurythyrea eoa*, описанной А.П. Семеновым-Тянь-Шанским, в честь которого А.И. Куренцов назвал новый вид короледа *Emoporicus semenovi* Kurentzov (1941), выделив его в самостоятельный род. После сведения этого родового названия в синонимы (Wood, 1982) вид известен как *Ernoporicus semenovi* Kur.

знакомство и побудило Андрея Петровича в более поздние годы взять на себя оппонирование моей докторской диссертации.

Время от времени я навещал его на квартире. Мы сидели в кабинете, заваленном книгами. Его письменный стол был так обложен ими, что свободным оставалось лишь небольшое пространство посередине против сидения. Поэтому, когда я смотрел со стороны (я обычно садился слева от стола), то Андрей Петрович представлялся мне великим путешественником среди вершин Тянь-Шаня. Здесь же, на квартире, в годы моего пребывания в Ленинграде он подарил мне с автографом свою замечательную статью "Таксономические границы вида и его подразделения (опыт точной категоризации низших таксономических единиц)", напечатанную в изданиях Императорской Академии Наук в 1910 г.

В эти годы Андрей Петрович уже очень плохо видел и не имел возможности просматривать литературу даже по любимой им таксономии. Работая в библиотеке, я познакомился со статьей Б. Ренша (B. Rensch "Das Prinzip geographischer Rassenkreise und das problem der Artbildung", а потом показал ее Андрею Петровичу, заметив, что автор, развивая его идеи, не ссылается на его статью. Будучи патриотом и осознавая важность приоритета русской науки, Андрей Петрович был сильно возмущен и, насколько я помню, хотел написать рецензию на статью Ренша, в которой предполагал подчеркнуть незнание им русской научной литературы и высказать свое авторитетное слово в защиту приоритета нашей науки. Не знаю, писал ли он по этому вопросу в более поздние годы, возможно, в его архиве сохранились какие-то материалы, освещающие этот важный для систематики вопрос. Мне известно, что такие авторы, как Л. Кено (Cuenot, 1936) и Э. Майр (1947), широко развивая идею географического принципа, не упоминали о А.П. Семенове-Тян-Шанском. Уже в послевоенные годы я написал об этом в статье "Историческая зоогеография и видообразование".

Вместе с Н.Я. Кузнецовым мы целыми днями сидели, определяя "загадочных" бабочек, собранных мной в Уссурийском крае, особенно интересны ему были мои сборы ночных орденских лент. Помню какое удовольствие нам доставило изучение нового для фауны Дальнего Востока и России рода *Leucodrepana* из семейства серпокрылок. Позже я назвал новый вид из этого рода *L. komarovi*¹¹ в память о ботанике В.Л. Комарове, впервые собравшем этот вид в горах Северной Кореи. Как я потом узнал, В.Л. Комаров не только был замеча-

¹¹ По современной номенклатуре: *Ditrigona komarovi* (Kurenz.).

тельным ботаником, изучавшим дальневосточную флору, но и собирал попутно во время своих путешествий насекомых, в том числе и бабочек¹². В память о Н.Я. Кузнецове — лидере лепидоптерологов России, я назвал новый вид из дневных бабочек, являющийся несомненным реликтом горных лесов Сихотэ-Алиня — *Neptis kuznetzovi*. (см. книгу "Мои путешествия"). В противоположность А.П. Семенову-Тян-Шанскому, оставшемуся холостяком до глубокой старости, Н.Я. Кузнецов был хорошим семьянином. У него была молодая жена и два сына — Николай и Алексей. В годы моей жизни в Ленинграде они были в дошкольном возрасте, старший, кажется, собирался осенью 1931 г. поступать в первый класс. Оба мальчика были очень подвижные и интересовались различными приключениями. С каким вниманием они всегда слушали мои рассказы о встречах в тайге с медведем, кабаном, изюбром и другими животными. Сам Николай Яковлевич очень интересовался энтомофауной Уссурийского края, считая его родиной Палларктики. Несколько раз он собирался поехать туда и взглянуть, как в этой природе уживаются представители столь разных фаун. Когда я переехал на Дальний Восток, то несколько раз организовывал все условия для его пребывания в Сунутинском (Уссурийском) заповеднике, но ему так и не удалось приехать. Вероятно, только годы и семья сдерживали его большое желание пуститься в далекое путешествие.

В доме у Николая Яковлевича на Васильевском острове собирались другие энтомологи Зоологического института. Чаще всего его навещал А.В. Мартынов, с ним он был особенно дружен и ценил его научные исследования. Не без его влияния Николай Яковлевич за последние годы выполнил ряд палеоэнтомологических работ. На квартире Николая Яковлевича впервые познакомился с А.В. Мартыновым и я. Все трое упомянутых мною ученых были замечательными энтомологами, создавшими определенные направления в этой науке. Н.Я. Кузнецов был основателем морфофизиологического направления, хотя до последних дней жизни у него сохранился интерес к зоогеографическим исследованиям. А.П. Семенов-Тян-Шанский создал зоогеографическое направление, оставаясь систематиком классического описания. А.В. Мартынова надо считать создателем у нас, в СССР, палеоэнтомологии,

¹² Во время путешествия В.Л. Комарова в Корею в 1894 г. его, по просьбе Вел. Кн. Николая Михайловича, сопровождали сыновья известного в Приморье конезаводчика и собирателя насекомых М.И. Янковского — Юрий и Александр, собиравшие насекомых во время экспедиции и передавших эти сборы в Зоологический Музей Академии Наук (Санкт-Петербург).

однако, как и двум первым, ему всегда были близки вопросы зоогеографии насекомых и он написал не одну работу в этом направлении. Вспоминаю, как А.В. Мартынов прибежал ко мне за "перегородку", показывая пробирку с каким-то насекомым и говоря, что это интереснейшие ручейники из моих сборов в Сихотэ-Алине, переданных ему на определение. (В Зоологическом музее было обширное помещение, заставленное коллекционными шкафами, между которыми стояли столики для работы с коллекциями. Здесь, в основном, занимались приезжие или временно работающие ленинградские энтомологи и зоологи. Это помещение отделялось перегородкой от длинного узкого коридора, по другую сторону которого располагались кабинеты старших и заслуженных зоологов музея) А.В. Мартынов просил подробнее рассказать о местах нахождения собранных ручейников. Среди этих сборов оказалось несколько новых родов — *Archithremma*, *Ame-
kia*, *Archapatania*, *Imania*¹³. Конечно, я был очень доволен, что доставил радость выдающемуся систематику и палеоэнтомологу.

Еще более знаменательный случай был в том же Зоологическом музее с Н.Н. Филиппьевым (раньше он обрабатывал мои уссурийские сборы шелкопрядов и совок, а теперь вплотную засел за обработку листовертков). Когда я, возвратившись из экспедиции в Уссурийский край, демонстрировал ему сборы листовертков, то он, широко раскрыв глаза, словно ястреб, выхватил из ящика крупный экземпляр гигантской листовертки, который выделялся величиной и яркой окраской. Ни работа Кеннела (Kennel, 1908 - 1916), ни другие справочники по Microlepidoptera не дали возможности тогда определить эту находку. И только спустя несколько дней Николай Николаевич показал мне в книге "Genera Insectorum (ed. Wytsman)" рисунки нескольких крупных видов листовертков из рода *Cerace*, которые распространены в южных и субтропических странах Восточной Азии. При выяснении систематики моего экземпляра оказалось, что он имеет достаточно выраженные отличия, поэтому был описан Николаем Николаевичем как новый вид нового рода *Eurydoxa advena* (подробности об этой находке смотри в моей книге "В убежищах уссурийских реликтов"). С другими зоологами музея, и в первую очередь с молодыми зоогеографами Б.К. Штегманом и Л.М. Шульпиным, я провел много часов в беседах по зоогеографии и экологии.

Моему сближению с преподавателями геофака Ленинградского университета, лекции которых я тогда слушал, способствовали различные

¹³ Названия 3 родов сведены в синонимы: *Amukia* Mart.=*Neophylax* McL., *Imania* Mart.=*Allomyia* Banks, *Archapatania* Mart.=*Apatania* Kol.

обстоятельства. На лекциях и, особенно, в перерывах я беседовал со многими из них и, давая консультации, они выделяли меня как студента с явно зрелыми мыслями и большим интересом к географическим наукам. На экзаменах по различным предметам, во время ответов на вопросы профессоров чаще всего складывались такие близкие взаимоотношения, которые оставались на долгое время. Для многих из них моя доуниверситетская жизнь педагога, краеведа и путешественника с поездками на Кавказ, в Уссурийский край и лесостепи Центральной Черноземной области на свои заработанные скудные средства и лишь иногда на небольшие суммы, отпущенные Зоологическим музеем, казалась необыкновенной. Приведу несколько примеров. Во время экзамена по метеорологии профессор А.В. Вознесенский задал мне два вопроса: что такое инверсия температур и что я знаю о горнодолинных ветрах. Отвечая на эти вопросы я, конечно, мог бы рассказать как обычный студент, то что читал об этом в учебнике по метеорологии или что запомнилось по этим вопросам из лекции профессора. В ответе на первый вопрос я привел пример смены вертикальных зон растительности, которую мне приходилось наблюдать во время путешествия в Сихотэ-Алине. Закономерность суточных перемещений атмосферных масс на горных склонах я попытался установить по движению дыма от моих костров во время ночевки в горной тайге. Вспоминаю, что А.В. Вознесенский был доволен моими ответами и предложил заняться исследованиями по климатологии.

Л.С. Берг во время одной из своих лекций о ландшафтах, когда шла речь о взаимоотношениях леса и степи, привел целый ряд примеров для доказательства явно выраженного наступания леса на степь в настоящую историческую эпоху. Совершенно для меня неожиданно он привел и мои наблюдения по этому вопросу, полученные, как он сказал, "присутствующим среди вас студентом Куренцовым в исследованиях Орловской лесостепи". Незадолго до этого я подарил Л.С. Бергу свою работу "Степи в верховьях р. Оки Орловской губернии", вышедшую в свет в начале 1929 г. С одной стороны мне было приятно упоминание обо мне, но с другой стороны, из-за своей скромности, я не хотел привлекать внимание студентов, вместе со мною слушающих нашего замечательного профессора.

Для сдачи экзамена по географии почв Б.Б. Полынов¹⁴ пригласил меня к себе на квартиру (кажется, он жил тогда на улице Чайковско-

¹⁴ Полынов Борис Борисович (1877–1952), специалист в области почвоведения, геохимии и географии. Основные работы посвящены вопросам происхождения почв, формирования коры выветривания, методам исследования почв. (БСЭ. 3-е изд. 1975. Т. 20. С. 278).

го). Это он делал, оказывается, и для других студентов, вероятно, потому, что был занят какой-то большой работой и ему было жаль терять время на поездки в университет для приема экзаменов. Экзамены по курсу почвоведения и географии почв были очень растянуты во времени, т. к. не все студенты могли одновременно подготовиться. Прежде чем задать вопросы, Борис Борисович поинтересовался, где я проходил полевую практику по почвоведению, и узнал, что по заданию профессора В.Н. Хитрово летом 1926 г. я выполнял работу по выяснению западной границы Орловской лесостепи. В мою задачу входило определение переходов от деградированных черноземов Орловской области к зандровым почвам Брянской области. К тому времени я уже достаточно ориентировался во флоре Орловской области, что помогло мне разобраться в сложных переходах почвенного покрова исследованной мной местности. Рассказал я Борису Борисовичу и всю историю "открытия" орловских степей и моего участия в этом. Он очень заинтересовался, т.к. сам работал в области Придонья. Поэтому мой экзамен затянулся и закончился тем, что он поставил мне отличную отметку, и подарил свою напечатанную недавно книгу "Придонские пески"¹⁵, которую я храню до настоящего времени как память о дорогом мне профессоре, а позднее, академике Б.Б. Польшове. Хотел бы остановиться еще на одном примере, показывающем, как происходило мое приобщение к науке в те далекие студенческие годы. Было это, кажется, уже в 1930 г., когда из-за постоянной занятости по работе в Институте опытной агрономии (теперь ВИЗР Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина) и частых разъездов и экспедиций я не мог систематически посещать лекции в университете и перешел на экстернат. Поэтому для приема у меня экзаменов по геоморфологии, палеогеографии, ландшафтоведению, общему землеведению и географии промысловых животных была создана экзаменационная комиссия, в состав которой входили Л.С. Берг, А.А. Григорьева и Г.Г. Дюпельмайер. Председателем комиссии был декан географического факультета Я.С. Эдельштейн¹⁶. Как мне говорили студенты, он экзаменовал довольно строго, поэтому я сразу почувство-

¹⁵ Название подаренной Б.Б. Польшовым книги см. в списке литературы: Польшов, 1926.

¹⁶ Эдельштейн Яков Самойлович (1869—1952), крупный советский геолог и географ, один из первых исследователей Дальнего Востока и Сибири, автор первых учебников по общей геоморфологии, главный редактор "Геологии СССР" и "Большого советского атласа мира". В 1948 г. был подвергнут суду чести за космополитизм, в марте 1949 г. арестован по Красноярскому делу и осужден на 25 лет лагерей. Умер в тюремной больнице до отправки к месту отбывания срока 12 января 1952 г., посмертно реабилитирован в 1954 г. (Репрессированные геологи, 1992).

вал всю ответственность, которую взял на себя, заявив о сдаче экзаменов сразу по пяти предметам.

Первые три экзаменатора задали мне по несколько вопросов и явно были вполне удовлетворены моими ответами. Я.С. Эдельштейн "мучил" меня многими вопросами по геоморфологии и палеогеографии (Д.В. Наливкин куда-то уезжал и поручил ему прием экзамена по палеогеографии), по которым, как мне казалось, я отвечал более или менее сносно, а может быть даже хорошо, т. к. предметы эти мне всегда очень нравились и я читал многое сверх учебного плана. Я.С. Эдельштейн, слушая мои ответы, молчал, и я не мог понять, удовлетворен он ими или нет. И только после ответов на последние два вопроса (какие морфоструктуры оставляют материковые и альпийские ледники после отступления и что я читал, чтобы понять сущность геоморфологии) я почувствовал, что строгость с его лица сошла и он проникся ко мне уважением. Я заметил, что ему понравилось, что я читал не только его геоморфологию и "Физическую геологию" Мушкетова, но и работы на немецком языке А. Пенка. Особенно же ему пришлось по душе, когда я, говоря о постледниковых памятниках, стал рассуждать о значении различных морфоструктур земной поверхности для понимания истории развития рельефа. Когда председатель комиссии спросил у экзаменаторов, как они оценивают мои знания, все поставили отличные оценки, а Г.Г. Дюпельмайер еще добавил, что я не только широко знаком с литературой, но и как путешественник собрал богатый оригинальный материал по зоогеографии Дальнего Востока. Яков Самойлович, оставаясь все время серьезным, показался мне добродушно-веселым и добавил, что он вполне согласен с членами комиссии и считает, что обладая фактическими знаниями, я способен и к географическому мышлению. Позднее, когда меня избирали действительным членом Географического общества СССР, Я.С. Эдельштейн дал мне хорошую рекомендацию. В 1934 г., когда я приехал с Дальнего Востока, мы с ботаником Б.И. Колесниковым навестили его в Географическом обществе и рассказали о нахождении в Сихотэ-Алине горных озер и он, как исследователь этой горной страны, был очень доволен и дал нам много полезных советов. Позже я встречал Якова Самойловича уже совсем старым в Москве. Мы любезно поздоровались и вспомнили биофак Ленинградского университета. Через год или два до меня дошли слухи, что он понал по каким-то причинам в тюрьму и там же скончался, умерла и его старенькая жена. Мне грустно вспоминать об этих годах жизни моего учителя географии. В глубокой старости ему было трудно перенести тяжелые жизненные события и они привели его к могиле. Такая же участь постигла и другого близкого мне по универ-

ситету учителя зоогеографии А.А. Бялыницкого-Бируля¹⁷. Он был преподавателем на геофаке университета и нередко на своих лекциях рассказывал о своих фаунистических наблюдениях в районах арктического побережья Сибири, которые он исходил пешком на большие расстояния, когда еще молодым участвовал в экспедиции Э.В. Толя на северо-востоке Сибири. В 1921 – 1930 гг. он занимал должность директора Зоологического музея и был уважаем всеми сотрудниками музея. К своим лекциям по зоогеографии он относился пунктуально, бывали моменты, когда на занятии присутствовали мы вдвоем со студентом (фамилию его забыл) или я один, но он в течение двух часов точно выполнял свои лекторские обязанности. Зная мой большой интерес, он давал мне читать свою огромную рукопись типа учебника И.И. Пузанова, но с многими деталями по исторической зоогеографии всех мировых фаун. Приходится очень сожалеть, что эта рукопись осталась не напечатанной. Мой экзамен по зоогеографии выражался в долгих беседах с Алексеем Андреевичем по различным вопросам этой науки, особенно Дальнего Востока. В 1932 г. он настойчиво рекомендовал мне поступить в аспирантуру, но я отказался: душа моя все время рвалась в природу, и я строил себе жизнь таким образом, чтобы всегда или во всяком случае подолгу оставаться среди природы. Если бы не экспедиции (а совершил я их за это время четыре: две на Дальний Восток и по одной на Кавказ и в Ленинградскую область), не знаю, смог ли бы я вынести непрерывную пятилетнюю городскую жизнь. Я трудился, как говорят, и день, и ночь, вращаясь все время в Зоологическом институте, университете, библиотеке Академии наук и ВИЗРе — месте моей службы, где я работал сначала лаборантом, а позже младшим научным сотрудником, что позволяло мне не только существовать, но даже покупать любимые книги. Тоска же о родной орловской природе у меня бывала настолько великой, что я оставив Ленинград, смог вырваться туда дважды: в 1929 г. летом, когда возвращаясь из Кавказской экспедиции по изучению пустынной саранчи-шистоцерки, я получил разрешение на три дня отпуска, и в 1930 г. весной, когда поют в наших лесах соловьи.

В 1929 г. доехав до г. Орла, я отправился пешком по бездорожью к своей "Отраде" (Горки)¹⁸. Было уже вечернее время и стемнело, когда

¹⁷ Бялыницкий-Бируля Алексей Андреевич (1864–1938), разносторонний зоолог, проф. ЛГУ, затем директор Зоологического музея АН СССР. Основные работы посвящены систематике фаланг и скорпионов, а также систематике, фаунистике и палеонтологии млекопитающих. (БСЭ. 3-е изд. 1971. Т. 4. С. 212.

¹⁸ Отрада — поселок на берегу р. Оки, где А.И. Куренцов жил во время исследования степей.

я дошел до Черкасской степи, где провел ночь. С юга показалась огромная грозовая туча. Блистали молнии, освещая мне путь по Царевой дороге. Когда я приблизился к Волчьему лесу, начался небольшой, а затем сильный дождь. Когда же подошел к "Отраде", он превратился в настоящий ливень и я промок до ниточки. В глубокую ночь я подошел к своей хате — стационару всех моих исследований Орловской лесостепи. В хатке в это время жили моя сестра Дарья Петровна и Саша¹⁹. И вот в тот момент, когда я хотел подойти к окну и постучать, вдруг с соседней "погребицы" (шалаш над погребом) вырвался пес и с лаем бросился ко мне. Это была моя любимая собака, взятая еще щенком у местного лесника Степана Петровича и воспитанная мной. Я дал ей кличку "Нептис" по названию рода дневных бабочек, которые пестрой окраской в какой-то степени напоминала полосатопятнистого пса. Раньше, в течение нескольких лет он был моим верным спутником в лесах. Я громко вскрикнул: "Нептис", и пес узнал меня по голосу в темную дождливую ночь после почти трехлетней разлуки. Он отскочил немного в сторону, как бы затем, чтобы уловить в моем голосе что-то из незабытого еще прошлого, и, видимо, мой зов оказался тем условным рефлексом, который пробудил у него воспоминания о нашей дружбе. Говорю именно о воспоминании у этого чудесного пса, который, постояв несколько секунд в двух шагах от меня, добродушно бросился ко мне и, положив свои лапы мне на плечи, не хотел больше отходить. Дарья Петровна открыла дверь и мы так и вошли в хату. Я сел на диван, а Нептис, положив голову мне на колени, неотступно глядел на меня, довольный моими ласками. Вспоминаю, сестра сказала, что Нептис почувствовал настоящего хозяина этой хаты.

Второе посещение Орловщины было в конце мая 1930 г. Весна в тот год была ранняя. Леса уже оделись листвой, цвел шалфей и набирала бутоны степная таволга. Я доехал до ст. Нарышкино Рижско-Орловской железной дороги и оттуда пешком направился к так называемому "Рыжному хутору" — бывшему имению братьев Щербачевых (Сосковский район). Местечко это было чудесное. Огромный сад, большой парк и три пруда, к берегам которых подходили густые заросли кустарников, как бы специально созданные хозяином этого поместья, чтобы привлечь гнездящихся здесь соловьев. Хозяйкой этого

¹⁹ Дарья Петровна Куренцова — двоюродная сестра, Александр Яковлевич Куренцов — двоюродный брат А.И. Куренцова.

местечка была моя сестра Агафья Ивановна Куренцова²⁰, которая после окончания Воронежского медицинского института получила назначение сюда в качестве участкового врача. Все здания бывшего имения вместе с садом и прудами перешли в распоряжение организованного здесь врачебного пункта. Когда я подходил к "Рыжнему", то, вспоминая, была вторая половина ночи, близился рассвет. Еще издали, в километрах двух от хутора, до моего слуха донеслись отдаленные повсвисты соловьев, вплетающиеся в крики многочисленных лягушек. Но постепенно приблизившись к прудам и парку, я был поражен звуками волшебников этой чудесной ночи — пением многочисленных соловьев и неистовыми стонами тысяч лягушек. Вокруг не было ни единого человека. Уставший страж этого мирного покоя — моя сестра, видимо, прилегла и сладко уснула под звуки этой ночи. Я подошел к квартире сестры. Окна были открыты, вероятно, специально для того, чтобы, не теряя связи со звуками майской ночи, можно было приятно отдохнуть. Я простоял до рассвета, слушая этот гимн матери-природы. До сих пор, до подошедшей старости, я не могу забыть того общения с природой. Так велико было обаяние этой памятной ночи, полной звуков и ароматов цветущего рядом сада. И мне как то не хочется думать, что теперь нет не только этого уголка природы, но и погибшей от рук немецких фашистов моей сестры — хранителя мирного покоя природы и защитника и целителя недомогающих людей.

Послесловие

Огромный научный архив А.И. Куренцова, который хранится в Президиуме ДВО РАН, остается неразобраным до настоящего времени и практически недоступен для широкой научной общественности. Ждут своего исследователя и уникальные полевые дневники ученого, которые он, начиная с 1922 года, регулярно вел на протяжении полувека во время своих многочисленных путешествий по Дальнему Востоку. Тем ценнее для нас документ, попавший в распоряжение редакционной коллегии "Чтений памяти А.И. Куренцова". Незадолго до своего отъезда из Владивостока Г.Э. Куренцова, жена и верный друг Алексея Ивановича, передала его сотруднику нашей лаборатории,

²⁰ Куренцова Агафья Ивановна (1898—1942), младшая сестра А.И. Куренцова. В годы Великой Отечественной войны, будучи главным врачом больницы в оккупированной деревне Сосково (Сосоковский район), организовала подпольный госпиталь, лечила советских солдат, поддерживала связь с партизанами. Была схвачена фашистами и, после жестоких пыток, расстреляна (Беляев и др., 1978).

Н.А. Азаровой, которая бережно хранит все печатные работы А.И. Куренцова и занимается постановкой его коллекции. Сама Галина Эразмовна берегла эти рукописные странички, как память о близком и родном человеке, до последнего дня. Заполненные знакомым, стремительным почерком Алексея Ивановича несколько страниц текста, оказались его воспоминаниями о своих первых шагах в науке. Впереди стояло название: "У порога науки". Неизвестно, было ли это начало доклада или набросок статьи, или вступление к новой книге воспоминаний. Скорее всего, страницы эти были написаны им в последний год жизни. Рукопись, представляет собой лишь первый вариант статьи, незаконченный набросок – с неизбежными при скорописи шероховатостями изложения, с неточностями при ссылках на литературу по памяти, с первыми, незначительными авторскими правками. Продолжить работу над ней Алексей Иванович, вероятно, уже не успел.

Мы надеемся, что страницы этой работы, опубликованные здесь впервые, будут интересны и дороги нашим читателям, которые знают и помнят этого необыкновенно доброго, искреннего человека и большого ученого. Стремясь донести до читателей неповторимость авторского стиля, при подготовке рукописи к печати мы старались бережно отнестись к языку статьи, ограничившись лишь самыми необходимыми правками. Кроме того, нам пришлось уточнить некоторые даты, выверить названия работ, названия насекомых и имена людей, упомянутых в тексте. Дополнительные сведения о преподавателях и ученых, чьи профессиональные интересы не были связаны с энтомологией, но с которыми А.И. Куренцов общался в студенческие годы и современные названия упоминаемых им насекомых мы посчитали нужным поместить в примечаниях, ссылки на которые под соответствующими номерами приводятся в тексте.

Ю.А. Чистяков
А.Н. Купьянская

ЛИТЕРАТУРА

Алехин В.В. Очерк растительности и ее последовательной смены на участке "Стрелецкая степь" под Курском // Тр. СПб. о-ва естествоисп., 1909. Т. 40 (Отд. Бот. Вып. 1). С. 1 – 112.

Алехин В.В. Казацкая степь Курского уезда в связи с окружающей растительностью // Тр. СПб. о-ва естествоисп., 1910. Т. 41. (Отд. Бот. Вып. 3). С. 271 – 317.

Алехин В.В. Типы русских степей // Изв. Бот. Сада Петра Великого, 1915. Т. 15. Вып. 3—4. С. 404—432.

Алехин В.В. Растительный покров степей Центральночерноземной области. Воронеж, 1925. 102 с.

Беляев В.А. Ученый А.И. Куренцов. Гл. 1. Тула, 1978. С. 12—27.

Берг А.С. Номогенез или эволюция на основе закономерностей. СПб.: Госиздат, 1922. 306 с.

Докучаев В.В. Способы образования речных долин Европейской России. СПб., 1878. 228 с.

Докучаев В.В. Русский чернозем. СПб., 1883. 376 с.

Докучаев В.В. Наши степи прежде и теперь. СПб., 1892. 128 с.

Куренцов А.И. К фауне чешуекрылых в окрестностях Никольска-Уссурийского // Зап. Южн. Уссур. отд. геогр. о-ва. Вып. 1. Владивосток, 1922. С. 3—44.

Куренцов А.И. К фауне чешуекрылых Южно-Уссурийского края // Рус. энтомол. обозр., 1925. Т. 19. Вып. 1—4. С. 144—152.

Куренцов А.И. О степной растительности истоков Оки в Орловской губернии // Дневник Всес. съезда ботаников. М., 1926. С. 112—113.

Куренцов А.И. *Pyrocleptria cora* Ev. (Lepidoptera, Noctuidae) в фауне Орловской губернии // Рус. энтомол. обозр., 1927. Т. 21. Вып. 12. С. 143—145.

Куренцов А.И. Борьба леса со степью в Орловской губернии // Тр. 4-го Ботан. съезда. Л., 1928. С. 245—246.

Куренцов А.И. О вертикальном распределении чешуекрылых в южном Сихотэ-Алине // Зап. Владивосток. отд. геогр. о-ва, 1929. Т. 3. Вып. 20. С. 41—50.

Куренцов А.И. Степи в бассейне верхнего течения р. Оки // Тр. Шатиловской с.-х. опыт. ст. Орел, 1929. Т. 3. Вып. 2. С. 157—172.

Куренцов А.И. Историческая зоогеография и видообразование // Комаровские чтения ДВФ АН СССР, 1957. № 6. С. 27—54.

Куренцов А.И. В убежищах уссурийских реликтов. Владивосток, 1961. 182 с.

Куренцов А.И. Мои путешествия. Владивосток, 1973. 623 с.

Майр Э. Систематика и прохождение видов с точки зрения зоолога. М., 1947. 504 с.

Мушкетов И.В. Физическая геология. Л., 1924. Т. 1. 778 с.

Полынов Б.Б. Пески Донской области, их почвы и ландшафты // Тр. Почв. ин-та, 1926. Вып. 2. С. 1—198.

Пузанов И.И. Зоогеография. М., 1938. 359 с.

Репрессированные геологи. СПб., 1992. С. 147–148.

Семенов Тян-Шанский А.П. Таксономические границы вида и его подразделения (Опыт точной категоризации низших таксономических единиц) // Зап. Импер. АН, 1910. Т. 25. Вып. 1. С. 1–29.

Талиев В.И. Растительность меловых обнажений южной России // Тр. о-ва испыт. природы Харьков. ун-та, 1904. Т. 39. Вып. 1. С. 81–238.

Талиев В.И. Растительность меловых обнажений южной России // Тр. о-ва испыт. природы Харьков. ун-та, 1905. Т. 40. Вып. 1. С. 1–282.

Танфильев Г.И. Способы образования речных долин Европейской России. СПб., 1878. 221 с.

Танфильев Г.И. Пределы лесов на юге России. СПб., 1894. 175 с.

Танфильев Г.И. Доисторические степи Европейской России // Землеведение, 1896.

Щербинковский Н.С. Пустынная саранча-шистоцерка. М., 1952.

Kennel. Die Palaearktischen Tortriciden // Zoologica, 1908–1916. Н. 54. 546 S.

Meyrick E. Tortricidae // P. Wytzman (ed.). Genera Insectorum, 1913. P. 1–81.

Rensch B. Das Prinzip geographischer Rassenkreise und das Problem der Artbildung. Berlin, 1929. 206 S.

AT THRESHOLD OF SCIENCE

A.I. Kurentsov

The memoirs by the author about his first aidless researches and the student years in geographical faculty of the Leningradskii State University are given.